

Мажордом, к которому я направился, имел распоряжение поместить меня близ особы джеджа, подвергающегося во время войны, особенно сильной опасности. По существующим на Таре правилам, во время войны все было дозволено.

Он немедленно проводил меня в апартаменты, где находился Тзэн Козис. Правитель был занят беседой со своим сыном Саб Тзэном, несколькими родственниками и придворными, не заметил моего прихода.

Стены комнаты были совершенно закрыты роскошными драпировками, которые закрывали все окна и двери. Комната освещалась солнечными лучами, которые были заключены между настоящим потолком и вторым, находившимся на несколько сантиметров ниже и сделанным из толстого стекла.

Мой проводник откинул один из ковров, открывая проход, который шел вдоль комнаты между ее стенами и висящими драпировками. Я должен был оставаться в проходе до тех пор, пока, Тзэн Козис находится в комнате. Когда он выйдет, я должен последовать за ним. Единственной моей обязанностью было охранять особу правителя и как можно меньше попадаться ему на глаза. Через четыре часа меня сменят. Сказав это, мажордом покинул меня.

Драпировки были из странной ткани, которая казалась тяжелой и плотной с одной стороны, но со своего места я мог видеть все, что делалось в комнате, будто не существовало отделяющих меня занавесок.

Едва я занял свой пост, как драпировки на противоположном от меня краю комнаты зашевелились и в комнату вошли четыре солдата, окруживших женскую фигуру. Приблизившись к Тзэн Козису, солдаты расступились, и перед джеджаком, не далее чем в 3 метрах от меня, очутилась Дея Торис, и я мог любоваться ее прекрасным, улыбающимся лицом.

Саб Тзэн приблизился, чтобы встретить ее, и они, взявшись за руки, подошли близко к джеджаку. Тзэн Козис удивленно посмотрел на них и, встав, приветствовал Дею Торис.

– Какому странному капризу обязан я визитом принцессы Гелиума, которая лишь два дня тому назад, с редким вниманием к моей гордости, уверяла меня, что она предпочитает Тал Хаджуса, зеленого тарка, моему сыну?

Дея Торис только улыбнулась в ответ, и с плутовскими ямочками, играющими на ее щеках, ответила:

– С самого начала существования Мусраба привилегией женщин было менять свои взгляды, когда она пожелает, и притворяться в вопросах сердца. Это вы должны простить, Тзэн Козис, как простил ваш сын. Два дня тому назад я не была уверена в его любви ко мне, теперь я уверена. Я пришла просить вас забыть мои опрометчивые слова и принять уверения принцессы Гелиума в том, что, когда придет время, она согласится выйти замуж за Саб Тзэна, принца Зоданги.

– Я счастлив, что вы так решили, – ответил Тзэн Козис. – Я совершенно не хотел продолжать дальше войну с народом Гелиума. Ваше обещание будет записано и провозглашено народу.

– Лучше было бы, – прервала его Дея Торис, – объявление народу отложить до конца войны. И моему, и вашему народу покажется странным, что принцесса Гелиума отдает себя врагу своего народа в разгар военных действий.

- Разве война не может быть закончена сразу? - воскликнул Саб Тзэн. - Достаточно лишь слова Тзэн Козиса, чтобы водворить мир. Скажи его, отец мой, скажи это слово, которое приблизит мое счастье и положит конец этой ненужной ссоре.

- Мы посмотрим, - ответил Тзэн Козис, - как народ Гелиума примет мир. Я, во всяком случае, предложу его им.

После нескольких слов Дея Торис повернулась и покинула комнату, сопровождаемая четырьмя стражами.

И вот воздушный замок моей мечты о счастье разбит, о суровую действительность! Женщина, которой я посвятил свою жизнь, из уст которой я так недавно слышал слова любви ко мне, так легко забыла о моем существовании и, смеясь, отдала себя сыну злейшего врага своего народа.

Хотя я слышал это собственными ушами, я не мог этому поверить. Я решил узнать, где она помещается, и заставить ее повторить мне жестокую правду. Потому я оставил свой пост и поспешил по проходу позади драпировки по направлению к двери, через которую она покинула комнату. Тихонько проскользнув через дверь, я увидел массу извилистых коридоров, ветвящихся и перекрещивающихся во всех направлениях.

Я быстро побежал по одному из них, потом по другому, третьему и вскоре совершенно заблудился. Я стоял, задыхаясь, опершись на стену, как вдруг близко от себя услышал голоса. По-видимому, они исходили из помещения, находящегося по ту сторону стены, о которую я облокотился. Я сейчас же узнал голос Деи Торис. Слов я не мог разобрать, но был уверен, что не ошибся.

Сделав несколько шагов, я нашел проход, в конце которого находилась дверь. Быстро пройдя вперед, я вошел в комнату, маленькую переднюю, в которой были те четыре солдата, которые сопровождали принцессу. Один из них вскочил и спросил, по какому я делу.

- Я от Тзэн Козиса, - ответил я, - и хочу поговорить наедине с Деей Торис, принцессой Гелиума.

- Ваш ордер? - спросил он.

Я не знал, о чем он говорит, но ответил, что я член охраны джеджака, и направился к противоположной двери, за которой слышал голос Деи Торис.

Но войти было не так-то легко! Телохранитель встал передо мной, говоря:

- Никто не приходит от Тзэн Козиса без ордера или пароля. Покажите мне то или другое, и вы сможете пройти.

- Единственный ордер, который я имею, чтобы пройти, куда хочу, мой друг, висит у меня на боку, - ответил я, похлопывая свой меч. - Дадите вы мне пройти мирно, или нет?

Вместо ответа он вытащил свой меч и приказал другим сделать то же самое, и с обнаженными мечами они встали в ряд, не давая мне пройти дальше.

- Вы здесь не по приказу Тзэн Козиса, - воскликнул тот из них, который первый заговорил со мной, - и вы не только не войдете в помещение принцессы Гелиума, но под охраной будете отведены к Тзэн Козису, где и дадите объяснение своей непозволительной дерзости. Спрячьте свой меч, вы один не справитесь с нами, - приказал он с угрюмой усмешкой.

Моим ответом был быстрый удар, который оставил мне только трех соперников, и я смею уверить, были достойны моего оружия. Они быстро оттеснили меня к стене. Борясь за свою жизнь, я медленно пробил себе дорогу в угол комнаты, так что они могли подходить ко мне только поодиночке. Так мы сражались минут двадцать. Звон стали производил в комнате страшный шум, который заставил Дею Торис подойти к дверям своей комнаты. Здесь она стояла все время борьбы, а Сола выглядывала из-за плеча. Ее лицо было неподвижно и спокойно, и я понял, что ни она, ни Сола не узнали меня.

Наконец, удачный удар сбил другого противника и тогда, имея двоих против себя, я переменял тактику и обрушился на них тем приемом, который помог мне одержать много побед. Третий упал через десять секунд после второго, через несколько минут и последний лежал мертвый на полу. Они были храбрые люди и хорошие бойцы, и я был огорчен тем, что должен был убить их, но чтобы достигнуть своей цели я охотно уничтожил бы население всего Мусраба, если бы не было иного выхода.

Вложив в ножны окровавленный клинок, я подошел к своей тарианской принцессе, которая стояла, безмолвно глядя и не узнавая меня.

- Кто вы, зодангец? - спросила она. - Еще один враг, чтобы мучить меня в моем горе?

- Я друг... - отвечал я, - когда-то любимый друг...

- Ни один из друзей принцессы Гелиума не носит этого знака.... Но этот голос! Я слышала его раньше.... Это.... Это не может быть... нет, ведь он мертв!

- Это никто иной, моя принцесса, как Алекс! Неужели вы, несмотря на краску и знаки, не узнаете сердце вашего вождя!

Когда я подошел к ней вплотную, она покачнулась с простертыми ко мне руками, но, прежде чем я успел схватить ее в свои объятия, она откинулась назад, дрожа от горя.

- Слишком поздно, слишком поздно! - плакала она. - О мой вождь, которого я считала мертвым, если бы вернулись часом раньше. Но теперь уже поздно, слишком поздно!

- Что это значит, Дея Торис? - воскликнул я. - Что вы не дали бы обещания принцу Зоданга, если бы знали, что я жив?

- Думаете ли вы, Алекс, что, отдав вчера свое сердце вам, я могу сегодня отдать его другому? Я думала, что оно погребено вместе с вашим прахом в могиле Варгуна, и поэтому я обещала, сегодня свое тело другому, чтобы спасти свой народ от нападения победоносной армии Зоданга.

- Но я не умер, моя принцесса! Я пришел за вами, и вся Зоданга не сможет помешать мне!

- Слишком поздно! Мое обещание дано, а в Мусрабе это закон. Церемония, которая следует после, является лишь бессмысленной формальностью. Она ничего не прибавит к самому факту женитьбы, как похоронное шествие джеджа не наложит еще одну печать смерти на его лицо. Я уже замужем, Алекс. И вы больше не должны называть меня своей принцессой, а вы больше не мой вождь.

- Я мало знаю ваши обычаи здесь на Мусрабе, Дея Торис, но я знаю, что люблю вас, и если вы помните последние слова, которые вы сказали мне, когда орды варгунов напали на нас, то ни один мужчина не смеет думать о вас, как о своей невесте. Тогда вы думали так, моя принцесса,

вы и теперь так думаете! Скажите мне, что это правда!

– Я думаю так, Алекс, – прошептала она. – Я не могу повторить это теперь, потому что отдала себя другому. Ах, если бы вы только знали наши обычаи, мой друг, – продолжала она, обращаясь наполовину к себе самой, – вы получили бы мое обещание уже много месяцев тому назад и могли бы требовать меня раньше всех остальных. Пусть погиб бы Гелиум, но я отдала бы все царство за своего таркского вождя.

Затем она сказала громко:

– Вы помните ту ночь, когда вы меня обидели? Вы назвали меня своей принцессой, не попросив моей руки, а потом вы хвалились, что сражались за меня. Вы не знали, и я не должна была обижаться, теперь я это понимаю. Но не было никого на Мусрабе, кто сказал бы вам, а я не могла этого сделать, что здесь у нас есть два рода женщин в городах красных людей: за одних мужчины борются и потом просят их руки, за других мужчины тоже борются, но в жены их никогда не берут.

Когда мужчина выигрывает женщину, он может назвать ее своей принцессой или другим именем, означающим, что она ему принадлежит. Вы боролись за меня, но никогда не просили моей руки, и когда вы назвали меня своей принцессой, вы понимаете, – она колебалась, – я была оскорблена. Но даже тогда, я не оттолкнула вас, как должна была сделать, потом вы сделали еще вдвое хуже – насмеялись надо мной, говоря, что выиграли меня в сражении.

– Я не буду теперь просить у вас прощения, Дея Торис! Вы должны знать, что вина моя лишь в незнании обычаев Мусраба. То, что я должен был сделать раньше, хотя я полагал, что моя просьба будет самонадеянной и нежеланной, я делаю теперь, Дея Торис! Я прошу вас быть моей женой, и клянусь своей боевой, русской кровью, которая течет в моих жилах, вы будете ею!

– Нет, Алекс, это бесполезно! – безнадежно воскликнула она. – Я никогда не буду вашей женой, пока жив Саб Тзэн!

– Только не это, – поспешила она объяснить, – я не выйду замуж за человека, который убил моего мужа, даже защищаясь. Таков обычай! Обычаи правят нами здесь, на Мусрабе – это бесполезно, мой друг! Вы должны переносить горе вместе со мной: это единственное, что может быть у нас общего: Это – и воспоминание о коротких днях среди тарков. Теперь вы должны уйти и больше никогда меня не видеть. Прощайте, мой вождь!

Отвергнутый, с разбитым сердцем, я вышел из комнаты. Но не терял надежды и не допускал, что Дея Торис навсегда потеряна для меня, пока церемония брака не свершилась.

Я блуждал вдоль коридоров и совершенно заблудился в массе скрещивающихся переходов, как это было, когда я пошел на поиски Деи Торис.

Я знал, что единственная надежда на спасение была в бегстве из города Зоданги, так как факт убийства четырех стражей потребует объяснения, а благодаря тому, что я без проводника не найду своего поста, подозрения падут на меня, как скоро меня увидят бесцельно слоняющимся по дворцу.

Наконец я подошел к спиральной лестнице, ведущей в нижний этаж, и спустился по ней пока не дошел до двери в большую комнату, где было много стражников. Стены комнаты были увешаны прозрачными драпировками, за которыми я и спрятался, не будучи замеченным.

Общий разговор телохранителей не вызвал во мне никакого интереса, пока в комнату не вошел офицер и не приказал четверым из них сменить тех, кто охраняет принцессу Гелиума. Тогда я понял, что для меня началась серьезная опасность и, действительно, едва четверка оставила комнату, как один из солдат ворвался назад, задыхаясь и крича, что они нашли четырех товарищей убитыми на полу в передней принцессы Деи Торис.

В одну секунду весь дворец наполнился народом. Стража, офицеры, придворные, слуги и рабы бегали взад и вперед по коридорам и комнатам, передавая приказания и поручения и отыскивая следы убийцы.

Это было для меня чрезвычайно удобным случаем, и я воспользовался им; когда группа солдат прошла мимо моего укромного местечка, я пошел с ними, прошел через лабиринт дворца, пока не увидел благословенный свет дня, проникающий через целый ряд больших окон.

Здесь я оставил своих спутников и скользнул к ближайшему окну, ища места, удобного для побега. Окна открывались на большой балкон, выходящий на одну из широких улиц Зоданги. Земля была далеко внизу, около 15 метров, и на таком же расстоянии от дворца была стена метров 10 вышиной, выстроенная из полированного стекла, толщиной около метра. Для красного тарианца побег этой дорогой казался бы невозможным, но для меня, с моей земной силой и ловкостью, это казалось выполнимым. Единственно чего я боялся, это что меня поймут во дворце до наступления темноты, так как я не мог при ярком свете прыгнуть на стену, тем более что двор внизу и улицы были запружены зодангцами.

Потом я начал искать, где бы спрятаться, и наконец, случайно увидел большую роскошную вазу, свисающую с потолка и не достигающую пола метров на 5, внутри которой было пустое место. Я с легкостью вспрыгнул вместительный сосуд и только успел усестись, как услышал, что группа людей вошла в комнату и остановилась как раз под моей вазой, так что я ясно слышал каждое слово:

– Это работа гелиумцев, – сказал один из вошедших.

– Да, о джеддак, но как они проникли во дворец? Я не могу допустить, что даже один враг при особой внимательности стражи мог достигнуть внутренних покоев дворца, но каким образом пять или шесть вооруженных людей могли пройти незамеченными, это для меня непонятно. Мы скоро узнаем правду, так как вот идет царский психолог!

Еще один человек присоединился к группе и, приветствовав правителя, сказал:

– О могущественнейший джеддак, я прочел странную историю в мертвых душах твоих воинов, Они были убиты не несколькими людьми, а одним противником...

Он помолчал, чтобы слушатели оценили, как следует его сообщение, и что его словам мало поверили, было ясно видно по нетерпеливому возгласу недоверия, сорвавшемуся с уст Тзэна Козиса:

– Что за чудесные сказки приносишь мне ты, Нотам? – крикнул он.

– Это правда, мой джеддак! – ответил психолог. – На мозгу каждого из четырех убитых отпечатки были очень сильны. Их враг был высокого роста, носящий знак вашего собственного телохранителя, и его умение бороться почти чудесно, так как боролся он один против четверых и победил своей огромной хитростью и сверхчеловеческой силой и выносливостью. Хотя он и носит знак Зоданги, мой джеддак, такого человека еще не было в этом или другом городе Мусраба. Душа принцессы Гелиума, которую я спрашивал и экзаменовал, для меня непонятна,

она прекрасно владеет собой. Она сказала, что присутствовала лишь при одной части сражения и что она видела только одного человека, который боролся со стражей и которого прежде она никогда не видела.

– Где мой спаситель? – спросил другой голос, в котором я узнал голос двоюродного брата Тзэн Козиса, спасенного мною от зеленых воинов. – Клянусь знаком моих предков, – продолжал он, – описание подходит к нему чрезвычайно, особенно к его умению сражаться.

– Где этот человек? – закричал Тзэн Козис. – Привести его ко мне сейчас же! Что вы знаете о нем, брат мой? Теперь, когда я думаю об этом, мне кажется странным, что в Зоданге был такой боец, а имя его мы не знали до сегодняшнего дня. Да и имя его, Алекс! Кто слышал когда-нибудь такое имя на Мусрабе?

Скоро принесли известие, что меня нигде не могут найти, ни во дворце, ни в бараках эскадрона воздушных разведчиков. Они нашли Кантос Кана и расспрашивали его, но он ничего не знал о моем местопребывании. Что касается моего прошлого, то он знает очень мало, так как он встретился со мной лишь недавно, во время нашего плена у варунов.

– Следите и за этим, – приказал Тзэн Козис. – Он тоже иностранец, и, похоже, что они оба из Гелиума. Там, где один из них, мы скоро найдем и второго. Учетверите воздушные патрули и подвергайте каждого человека, покидающего город пешим или по воздуху самому строгому допросу!

Вошел еще один курьер с известием о том, что я, несомненно, нахожусь во дворце.

– Фото всех людей, которые вошли во дворец или вышли из него сегодня днем были тщательно изучены, – закончил он, – ни один из них не похож на этого человека, кроме того фота, который снят с него самого, когда он утром вошел во дворец.

– Тогда мы его скоро поймем, – сказал Тзэн Козис довольным голосом, – а тем временем, мы отправимся в комнаты принцессы Гелиума и расспросим ее об этом деле. Она, быть может, знает больше, чем сказала тебе, Нотан! Идемте!

Они покинули зал и, когда наступила темнота, я незаметно выбрался из моего тайника и поспешил на балкон. Внизу народа было уже мало и, выбрав момент, когда поблизости не было никого, я быстро прыгнул на вершину стеклянной стены, а с нее на улицу, находящуюся по ту сторону дворца.